

**Ю.А. Головин,
Н.А. Сухонина**

**Yu. Golovin,
N. Sukhonina**

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ В
ОСВЕЩЕНИИ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ
В РОССИЙСКИХ
ОНЛАЙН-СМИ**

**LINGUOSEMIOTIC
DISCURSIVE STRATEGIES
IN THE COVERAGE OF
ETHNOPOLITICAL
CONFLICTS IN RUSSIAN
ONLINE MEDIA**

Аннотация

В работе рассматриваются особенности медиарепрезентации грузино-южноосетинского, грузино-абхазского и молдавско-приднестровского конфликтов, которые представляют особый интерес в контексте российской медиаполитики.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации специфических лингвосемиотических приемов, используемых российскими медиа для конструирования нарративов. Особое внимание уделяется анализу механизмов формирования медиареальности через взаимодействие вербальных и визуальных компонентов дискурса.

Методологическая база исследования включает интегративный подход, сочетающий методы критического дискурс-анализа (в традициях Н. Фэрклоу и Т. ван Дейка), количественного и качественного контент-анализа, а также лингвосемиотического анализа мультимодальных текстов. Эмпирическую основу составили 119 публикаций ведущих российских онлайн-СМИ за 2024 год, отобранных по принципу репрезентативности.

Результаты исследования демонстрируют, что российские онлайн-СМИ последовательно используют комплекс взаимосвязанных стратегий, включая: 1) бинарные оппозиции ("жертва-агрессор", "свой-чужой"); 2) идеологически маркированную лексику и терминологические клише; 3) специфические метафорические модели; 4) тщательно отобранные визуальные образы. Установлено, что данные страте-

Abstract

The research examines media representations of the Georgian-South Ossetian, Georgian-Abkhazian, and Moldovan-Transnistrian conflicts, which hold particular significance in the context of Russia's media policy.

The study aims to identify and systematize specific linguosemiotic techniques used by Russian media to construct ideologically charged narratives. Special attention is given to analyzing the mechanisms of media reality formation through the interaction of verbal and visual discourse components.

The methodological framework incorporates an integrative approach combining critical discourse analysis (following N. Fairclough and T. van Dijk), quantitative and qualitative content analysis, as well as linguosemiotic analysis of multimodal texts. The empirical basis consists of 119 publications from leading Russian online media outlets from 2024, selected according to representativeness criteria.

The findings reveal that Russian online media consistently employ a system of interconnected strategies, including: 1) binary oppositions ("victim-aggressor", "us-them"); 2) ideologically marked vocabulary and terminological clichés; 3) specific metaphorical models; 4) carefully selected visual imagery. These strategies are implemented through coordinated interaction between textual and visual components, creating a unified semiotic construct.

гии реализуются через скоординированное взаимодействие текстовых и визуальных компонентов, создавая целостную семиотическую конструкцию.

Выводы исследования свидетельствуют о высокой степени адаптивности медиадискурса к изменяющимся политическим условиям. Российские онлайн-СМИ демонстрируют способность гибко модифицировать риторические стратегии в зависимости от специфики каждого конфликта и текущей политической повестки. Полученные результаты имеют значимость для понимания механизмов конструирования политической реальности в современных медиа, а также роли лингвосемиотических стратегий в процессах информационного противоборства.

Ключевые слова:

лингвосемиотика, дискурсивные стратегии, этнополитические конфликты, медиадискурс, российские онлайн-СМИ, манипуляция, информационная война.

The conclusions highlight the high adaptability of media discourse to changing political conditions. Russian online media demonstrate the ability to flexibly modify rhetorical strategies depending on the specifics of each conflict and current political agenda. The obtained results contribute to understanding the mechanisms of political reality construction in contemporary media, as well as the role of linguosemiotic strategies in information warfare processes.

Key words:

linguosemiotics, discursive strategies, ethnopolitical conflicts, media discourse, Russian online media, manipulation, information warfare.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-117-136>

Актуальность изучения лингвосемиотических и дискурсивных стратегий в контексте этнополитических конфликтов обусловлена возрастающей ролью медиа в формировании общественного сознания и политической реальности. В условиях глобализации и цифровизации онлайн-СМИ становятся ключевым инструментом конструирования социальных представлений о конфликтах, влияя на восприятие этнических, культурных и политических различий. Лингвосемиотический подход позволяет раскрыть глубинные механизмы, лежащие в основе медиадискурса, включая вербальные и невербальные знаковые системы, которые формируют смысловое поле конфликта. Дискурсивные стратегии, в свою очередь, выступают как инструменты манипуляции, фреймирования и интерпретации событий, что делает их анализ необходимым для понимания процессов медиатизации этнополитических противостояний.

Роль СМИ в формировании общественного мнения и конструировании политической реальности подробно исследуется в работах таких ученых, как Т. ван Дейк (Dijk, 2008) и Н. Луман (Luhmann, 2000). Ван Дейк подчеркивает, что медиадискурс не просто отражает реальность, но активно участвует в ее создании, используя языковые и семиотические ресурсы для формирования определенных идеологических позиций. Луман, в свою очередь, рассматривает медиа как социальную систему, которая через коммуникацию конструирует реальность, опираясь на селекцию и интерпретацию информа-

ции. В условиях этнополитических конфликтов онлайн-СМИ становятся площадкой для борьбы за символическую власть, где каждая сторона стремится навязать свою интерпретацию событий, используя специфические лингвосомиотические приемы.

Основная задача данной работы заключается в выявлении лингвосомиотических механизмов в медиадискурсе для понимания специфики освещения этнополитических конфликтов. Современные исследования медиа часто ограничиваются анализом текстовых или визуальных компонентов в отрыве от их семиотической взаимосвязи, что не позволяет в полной мере раскрыть комплексность медиавоздействия. Лингвосомиотический подход, интегрирующий лингвистические и семиотические методы, помогает глубже проанализировать, как медиатексты конструируют смыслы, формируют стереотипы и влияют на восприятие конфликтов. Особую значимость этот подход приобретает в российском контексте, где онлайн-СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения по вопросам межэтнических отношений и политических противостояний.

Лингвосомиотика представляет собой междисциплинарный подход, синтезирующий методы лингвистики и семиотики для анализа знаковых систем и их функционирования в различных коммуникативных контекстах. Основополагающие идеи лингвосомиотики восходят к трудам Ф. де Соссюра, который рассматривал язык как систему знаков, где каждый знак состоит из означающего и означаемого (Saussure, 1959), и Ч. Пирса (Peirce, 1994), предложившего трехкомпонентную модель знака (иконический, индексный и символический знаки). Р. Барт расширил семиотический подход, включив в него анализ культурных и социальных кодов, что позволило применять семиотику к изучению не только языковых, но и визуальных, а также мультимодальных текстов. Таким образом, лингвосомиотика становится ключевым инструментом для исследования сложных коммуникативных процессов, где вербальные и невербальные знаки взаимодействуют, формируя единое смысловое поле (Barthes, 1977).

Основные категории лингвосомиотики, такие как знак, текст, код и контекст, играют центральную роль в анализе медиадискурса. Ю. Лотман, развивая идеи семиотики, подчеркивал, что текст является не статичным объектом, а динамической системой, которая взаимодействует с культурным контекстом и порождает новые смыслы (Лотман, 2010). У. Эко, в свою очередь, акцентировал внимание на роли кодов как системы правил, регулирующих интерпретацию знаков (Есо, 1992). Контекст, как важнейшая категория лингвосомиотики, позволяет учитывать культурные, исторические и социальные условия, в которых функционирует текст, что особенно важно при анализе медиадискурса, где смыслы часто зависят от внешних факторов.

Применение лингвосомиотики в анализе медиатекстов демонстрирует свою эффективность в работах таких исследователей, как А. Вежицкая и

Т. ван Лёвен (Leeuwen, 2008). А. Вежбицкая, используя лингвосемиотический подход, исследует, как языковые и культурные коды формируют значения в медиатекстах, подчеркивая важность учета национально-культурной специфики. Ван Лёвен, в свою очередь, фокусируется на мультимодальном анализе, рассматривая взаимодействие вербальных и визуальных знаков в медиа. Его работы показывают, что лингвосемиотика позволяет раскрыть сложные механизмы конструирования смыслов в медиатекстах, где текст, изображение, звук и другие элементы образуют единый семиотический комплекс.

Таким образом, лингвосемиотика обладает широким инструментарием для анализа знаковых систем в медиадискурсе. От классических теорий Соссюра и Пирса до современных исследований мультимодальности этот подход позволяет раскрывать сложные механизмы смыслообразования. Благодаря этому лингвосемиотика остается актуальной в изучении динамичных коммуникативных процессов, она демонстрирует свою ценность как в теоретических, так и в прикладных исследованиях.

Понятие дискурса занимает центральное место в современных исследованиях языка, коммуникации и политики. Дискурс понимается как сложное явление, включающее не только языковые практики, но и социальные, культурные и идеологические аспекты, которые формируют смыслы и влияют на восприятие реальности. Т. ван Дейк определяет дискурс как форму социальной практики, которая участвует в воспроизводстве власти и доминирования через языковые средства (Dijk, 2009). М. Фуко, в свою очередь, рассматривает дискурс как систему высказываний, которая регулирует производство знаний и формирует социальные нормы (Foucault, 2002). Н. Фэркло, развивая критический анализ дискурса, подчеркивает, что дискурсивные практики не только отражают, но и конструируют социальную реальность, участвуя в процессах легитимации власти и идеологического контроля (Fairclough, 2005).

Дискурсивные стратегии представляют собой набор методов и приемов, используемых для достижения определенных коммуникативных целей. Они включают выбор языковых средств, структурирование информации, использование риторических приемов и манипулятивных техник. Ван Дейк выделяет, что дискурсивные стратегии играют ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в контексте политической коммуникации, где они используются для убеждения, манипуляции и контроля над аудиторией (Dijk, 2009).

Дискурсивные стратегии также имеют большое значение в конструировании социальной и политической реальности, что подчеркивается в работах П. Бурдьё и Ю. Хабермаса. Бурдьё рассматривает дискурс как инструмент символической власти, который участвует в борьбе за доминирование в социальном пространстве (Бурдьё, 2002). Он утверждает, что через дискурсивные практики группы и институты легитимируют свою власть, формируют

общественное мнение и контролируют доступ к ресурсам. Ю. Хабермас, в свою очередь, акцентирует внимание на роли дискурса в демократических процессах, подчеркивая, что публичная сфера формируется через рациональный дискурс, где участники могут свободно обсуждать и критиковать политические решения (Хабермас, 2003).

Дискурсивные стратегии сохраняют свою актуальность не только в традиционных медиа, но и в новых цифровых пространствах. Современные онлайн-платформы, такие как социальные сети, блоги и иные медиаресурсы, активно используют дискурсивные методы для конструирования смыслов, влияния на аудиторию и формирования идеологических установок. В данном исследовании мы будем применять анализ дискурсивных стратегий для изучения коммуникативных процессов в новых медиа, что позволит выявить их роль в современных практиках власти и социального взаимодействия.

Этнополитический конфликт представляет собой сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит противостояние между группами, идентифицирующими себя на основе этнической, культурной или религиозной принадлежности. Освещение этнополитических конфликтов в СМИ часто сталкивается с проблемой объективности. СМИ, будучи основным источником информации для широкой аудитории, играют ключевую роль в формировании общественного мнения о конфликте. Однако, как отмечает С. Хантингтон, медиа часто становятся инструментом пропаганды, где объективность уступает место идеологическим установкам (Huntington, 1996). Э. Саид, исследуя роль медиа в контексте «столкновения цивилизаций», подчеркивает, что освещение конфликтов часто сопровождается стереотипизацией, где одна сторона изображается как «жертва», а другая — как «агрессор» (Саид, 2012). Особенности освещения этнополитических конфликтов в СМИ включают:

Проблему объективности: медиа часто отражают точку зрения доминирующих групп или государственных структур, что приводит к искажению информации.

Стереотипизацию: использование упрощенных образов и клише, которые усиливают поляризацию и дегуманизируют противоположную сторону.

Манипуляции: СМИ могут использовать эмоционально окрашенную лексику, избирательное цитирование и визуальные образы для формирования определенного отношения к конфликту.

Роль медиа в этнополитических конфликтах двойственна: с одной стороны, они могут способствовать эскалации, с другой — играть важную роль в урегулировании (Родионова, Балан, 2020). Дж. Бодрийяр, анализируя феномен «симуляции» в медиа, утверждает, что СМИ создают гиперреальность, где конфликт становится медийным спектаклем, теряя связь с реальными событиями (Бодрийяр, 2010). Это может усиливать напряженность, так как

медиа часто акцентируют внимание на насилии и противостоянии, игнорируя возможности диалога.

Д. Макквейл, в свою очередь, подчеркивает, что медиа могут играть конструктивную роль в урегулировании конфликтов, способствуя диалогу между сторонами и формированию взаимопонимания. Для этого необходимо:

Объективное освещение: предоставление равного внимания всем сторонам конфликта.

Деэскалация риторики: избегание эмоционально заряженной лексики и стереотипов.

Продвижение диалога: создание площадок для обсуждения и поиска компромиссов (McQuail, 2010).

Таким образом, ответственность СМИ в освещении этнополитических конфликтов чрезвычайно высока, и от их подхода во многом зависит, станут ли они катализатором насилия или инструментом примирения.

Освещение этнополитических конфликтов в медиа предполагает использование сложных знаковых систем, которые включают как вербальные, так и невербальные компоненты. Р. Якобсон, один из основоположников структурной лингвистики, подчеркивал, что коммуникация представляет собой многомерный процесс, где язык взаимодействует с другими семиотическими системами (Якобсон, 2016). В медиатекстах вербальные компоненты (тексты, заголовки, комментарии) сочетаются с невербальными (изображения, звуки, видеоряд), создавая единое смысловое поле. Г. Кресс, развивая мультимодальный подход, утверждает, что анализ медиадискурса должен учитывать взаимодействие различных знаковых систем, так как именно их сочетание формирует окончательное восприятие сообщения (Kress, 2003).

Вербальные компоненты медиатекстов играют ключевую роль в передаче информации, но их интерпретация зависит от контекста и культурных кодов. Например, использование определенной лексики (такой как «террорист» или «борец за свободу») может кардинально изменить восприятие событий. Невербальные компоненты, такие как фотографии, инфографика и видео, дополняют вербальные сообщения, усиливая их эмоциональное воздействие. Например, изображения разрушений или страданий могут вызвать сильную эмоциональную реакцию, что делает их мощным инструментом манипуляции.

Визуальный контент играет важную роль в освещении этнополитических конфликтов, так как он обладает высокой степенью воздействия на аудиторию. Изображения не просто иллюстрируют текст, но сами по себе являются сложными знаковыми системами, которые несут в себе скрытые смыслы (Бергер, 2022). Фотографии, инфографика и видео часто используются для создания определенного нарратива, где визуальные образы становятся инструментами фреймирования и манипуляции.

Фотографии, например, могут быть использованы для создания эмоционального воздействия, акцентируя внимание на страданиях одной стороны и игнорируя другую. Инфографика, в свою очередь, позволяет представить сложные данные в упрощенной форме, что может способствовать формированию определенного мнения. Видео, благодаря своей динамичности, обладает наибольшим потенциалом для воздействия, так как сочетает визуальные и аудиальные компоненты. М. Халлидей, исследуя мультимодальный дискурс, подчеркивает, что визуальный контент часто используется для усиления идеологических установок, так как он воспринимается как более «объективный» и «достоверный», чем текст (Halliday, 1975).

Интерпретация медиатекстов, особенно в контексте этнополитических конфликтов, невозможна без учета культурных, исторических и политических аспектов. Ю. Лотман, один из ведущих представителей семиотики культуры, подчеркивал, что текст всегда существует в определенном культурном контексте, который определяет его восприятие (Лотман, 2010). Например, использование исторических аллюзий или символов может быть понятно только в рамках конкретной культурной традиции, что делает контекст ключевым элементом анализа.

Э. Хирш, развивая герменевтический подход, утверждает, что интерпретация текста зависит не только от его внутренней структуры, но и от внешних факторов, таких как исторический момент, политическая ситуация и культурные коды (Hirsch, 1967). В контексте этнополитических конфликтов медиатексты часто используют символы и нарративы, которые имеют глубокие исторические корни. Например, ссылки на прошлые войны или исторические обиды могут быть использованы для легитимации текущих действий. Политический контекст также играет важную роль, так как медиа часто отражают интересы доминирующих групп или государственных структур.

Лингвосемиотический анализ медиатекстов, освещающих этнополитические конфликты, должен учитывать как вербальные и невербальные компоненты, так и культурный, исторический и политический контекст. Это позволяет раскрыть сложные механизмы конструирования смыслов и выявить скрытые идеологические установки, которые формируют восприятие конфликта. Такой подход особенно важен в условиях информационной войны, где медиатексты становятся инструментами манипуляции и пропаганды.

Современные онлайн СМИ (или интернет-СМИ) представляют собой динамично развивающийся сегмент медиа, который радикально изменил способы производства и потребления новостей. В отличие от традиционных газет, телевидения и радио, онлайн-издания существуют исключительно в цифровом пространстве. Как отмечают исследователи цифровых медиа, такие как М. Кастельс (Кастельс, 2001) и Г. Дженкинс (Дженкинс, 2019), интернет-СМИ обладают рядом уникальных характеристик: мгновенная публикация, мультимедийность (материалы сочетают текст, видео, аудио и интер-

активные элементы), обратная связь с аудиторией (читатели могут комментировать, обсуждать и даже влиять на контент) и персонализация контента (алгоритмы адаптируют новости под интересы пользователя).

Переходя к российским онлайн-СМИ, стоит отметить, что российское медиапространство характеризуется рядом специфических черт, которые влияют на характер освещения этнополитических конфликтов. Е. Вартанова, исследуя современные медиасистемы, отмечает, что в России медиа функционируют в условиях значительного государственного контроля, что определяет их роль в формировании общественного мнения (Вартанова, 2017). М. Кастельс, анализируя глобальные медиатренды, подчеркивает, что в таких условиях медиа часто становятся инструментом пропаганды, где акцент делается на поддержку официальной позиции и консолидацию общества вокруг государственных инициатив (Кастельс, 2001).

В российских онлайн-СМИ используются различные лингвосомиотические стратегии, которые позволяют формировать определенное восприятие этнополитических конфликтов. Выделяются несколько ключевых подходов:

Использование исторических аллюзий: ссылки на исторические события и персонажи часто используются для легитимации текущих действий. Например, сравнение современных конфликтов с событиями Великой Отечественной войны может вызывать ассоциации с борьбой за справедливость и защиту национальных интересов.

Мифологизация: создание мифов и нарративов, которые упрощают сложные конфликты, делая их более понятными для широкой аудитории. Это может включать создание образов «героев» и «врагов», что усиливает эмоциональное воздействие.

Поляризация: акцентирование различий между сторонами конфликта, что способствует формированию четкого разделения на «своих» и «чужих». Это часто сопровождается использованием эмоционально окрашенной лексики и визуальных образов.

Эти стратегии позволяют российским онлайн-СМИ формировать определенное восприятие конфликтов, что особенно важно в условиях информационной войны, где медиа становятся инструментом борьбы за символическую власть.

Таким образом, лингвосомиотический анализ имеет важное значение для понимания того, как медиатексты конструируют этнополитическую реальность. В условиях глобализации и цифровизации медиа становятся основным источником информации о конфликтах, формируя представления аудитории о сторонах конфликта, их целях и мотивах. Лингвосомиотический подход позволяет выявить скрытые механизмы манипуляции, такие как использование исторических аллюзий, мифологизация, поляризация и стратегии умолчания. Эти приемы не только формируют определенное восприятие

событий, но и способствуют легитимации политических действий, что делает их анализ особенно важным в условиях информационной войны.

Теоретическая часть исследования создала основу для перехода к эмпирическому анализу, который позволит применить рассмотренные подходы к конкретным примерам освещения этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ. Эмпирическая часть будет направлена на выявление лингвосомиотических дискурсивных стратегий, используемых в медиатекстах, и их роли в формировании восприятия конфликтов. Это позволит не только подтвердить теоретические выводы, но и предложить практические рекомендации для более объективного и сбалансированного освещения этнополитических вопросов.

В фокусе исследования находятся три ключевых этнополитических конфликта на постсоветском пространстве: грузино-южноосетинский, грузино-абхазский и молдавско-приднестровский. Выбор именно этих конфликтов обусловлен их уникальными особенностями, которые, с одной стороны, делают каждый случай индивидуальным, а с другой – позволяют рассматривать их как единую группу для анализа.

Критерии отбора конфликтов.

Статус «де-факто государств». Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье провозгласили независимость от Грузии и Молдовы соответственно, однако их суверенитет остается непризнанным на международном уровне. Несмотря на это, в этих регионах на протяжении десятилетий функционируют собственные институты власти, сформированные еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Они проводят самостоятельную внутреннюю политику и фактически не подчиняются центральным властям Грузии и Молдовы (Маркедонов, 2021).

Существование этих непризнанных образований во многом обусловлено поддержкой со стороны России. РФ обеспечивает их безопасность и экономическую стабильность, что позволяет им сохранять фактическую автономию. Однако, в отличие от других конфликтов с участием России, здесь ее роль носит скорее опосредованный характер.

Несмотря на активное влияние в регионе, Россия официально не заявляет территориальных претензий на Южную Осетию, Абхазию или Приднестровье и не рассматривает себя как прямую сторону конфликта. Вместо этого она позиционирует себя как нейтральный посредник и гарант стабильности.

Именно эти факторы делают данную группу конфликтов особенно интересной для изучения медийного дискурса в российских СМИ. Поскольку Россия формально не является участником противостояния, анализ ее медиаполитики позволяет выявить стратегии освещения конфликтов, в которых РФ выступает как внешний игрок, а не как непосредственная сторона.

Для исследования были выбраны 3 основных интернет-ресурса: сайты «RT на русском», «РБК», регулярно входившие в топ-3 самых цитируемых интернет-ресурсов по данным Медиалогии, и «РИА Новости» - самое цитируемое информационных агентство в 2024. году. В итоге было отобрано 119 статей: 37, посвященных грузино-южноосетинскому конфликту, 26, посвященных грузино-абхазскому конфликту, и 54, посвященных молдавско-приднестровскому конфликту. Период, выбранный для анализа, - 2024 год.

В данной работе применялся комплексный подход, объединяющий методы критического дискурс-анализа, контент-анализа, лингвистического и семиотического анализа. Такой синтетический методологический аппарат позволил не только выявить ключевые нарративные стратегии российских СМИ, но и понять механизмы конструирования ими особой медиареальности в освещении постсоветских конфликтов.

Основу исследования составил критический дискурс-анализ (КДА) в традициях Фэрклоу (Fairclough, 1995) и ван Дейка (Dijk, 2009). Этот подход позволил вскрыть идеологическую подоплеку медиатекстов через анализ трех взаимосвязанных уровней: собственно, текста, дискурсивной практики и социального контекста. На первом уровне мы исследовали конкретные языковые средства - лексические, синтаксические и стилистические особенности материалов. На уровне дискурсивной практики анализировались процессы производства и восприятия текстов. Наконец, на социальном уровне рассматривалась связь медиадискурса с более широкими политическими процессами.

Для обеспечения системности исследования был применен количественно-качественный контент-анализ. На первом этапе была сформирована репрезентативная выборка публикаций за 2024 год из ведущих российских СМИ (РИА Новости, RT, РБК) по ключевым запросам, связанным с исследуемыми конфликтами («Южная Осетия», «Абхазия», «Приднестровье»). Затем материалы кодировались по следующим параметрам: тональность (позитивная/негативная/нейтральная оценка сторон конфликта), частотность ключевых концептов, использование специфических риторических приемов. Особое внимание уделялось анализу заголовков как важнейшего элемента медиавоздействия.

Лингвистический анализ включал исследование текстов на нескольких уровнях:

На лексическом уровне изучались:

1. Оценочная лексика и ее идеологическая нагрузка;
 2. Использование эвфемизмов и дисфемизмов;
 3. Модальные слова, выражающие степень достоверности;
 4. Терминологические клише и их аксиологическая окраска.
- На синтаксическом уровне анализировались:
6. Пассивные конструкции и их роль в маскировке агента действия;

7. Риторические вопросы как способ внушения нужных выводов;
8. Парцелляция и повторы как средства усиления воздействия;
9. Особенности использования временных форм глаголов.
10. На морфологическом уровне рассматривались:
11. Суффиксы субъективной оценки;
12. Особенности употребления глагольных видов;
13. Префиксы с отрицательной семантикой.

Семиотический анализ позволил выйти за рамки вербального текста и исследовать мультимодальные аспекты медиадискурса. В фокусе внимания оказались:

1. Визуальные компоненты (фотографии, инфографика, видеоряд);
2. Символические коды (использование флагов, цветовых решений).

Особое значение имел сравнительный анализ, который позволил выявить как общие черты, так и специфику освещения разных конфликтов. Сравнялись:

1. Стратегии репрезентации признанных и непризнанных территорий;
2. Особенности освещения конфликтов с разной степенью вовлеченности России;
3. Динамика изменения риторики в зависимости от политического контекста.

Такой комплексный методологический подход позволил не просто описать медиастратегии, но и вскрыть их глубинные идеологические функции - конструирование образа России как защитника и гаранта стабильности, формирование бинарных оппозиций «свой-чужой», легитимация внешнеполитических действий через апелляцию к исторической памяти и коллективным травмам.

В 2024 году российские онлайн-СМИ активно освещали грузино-южноосетинского конфликта, используя комплекс лингвосемиотических стратегий, направленных на формирование определенного восприятия событий у аудитории. Анализ материалов ведущих государственных изданий, таких как РИА Новости, РБК или RT, позволяет выявить устойчивые нарративы и приемы конструирования медиареальности, которые не просто информируют, но и задают конкретные рамки интерпретации сложного этнополитического противостояния.

Центральным элементом медиадискурса стало бинарное противопоставление, где Грузия последовательно изображается как агрессор, нарушитель международного права и проводник западных интересов, в то время как Южная Осетия и Россия представляются в роли жертв и защитников справедливости. Этот фрейм особенно ярко проявился в освещении решения Европейского суда по правам человека о нарушениях в зоне конфликта. Российские СМИ акцентировали внимание не на содержании решения, а на

его «политизированном характере» и «неправомочности» в отношении России, используя такие формулировки как «якобы нарушения» и «непризнанная юрисдикция». Подобная лексика создает семантическое поле сомнения и нелегитимности вокруг любых обвинений в адрес российской стороны.

Метафоризация выступает ключевым инструментом конструирования медиареальности. Конфликт регулярно описывается через военные метафоры («горячая точка», «фронт информационной войны», «плацдарм западного влияния»), что актуализирует образ постоянной угрозы. Примечательна метафора «братские народы», применяемая к отношениям России и Южной Осетии, которая создает эффект кровного, почти семейного родства. В то же время действия Грузии метафорически представляются как «авантюра», «провокация» или «игра западных кукловодов», что лишает их политической субъектности.

Эвфемистическая лексика используется преимущественно при описании российской политики. Военное вмешательство 2008 года последовательно называется «операцией по принуждению к миру», а постоянное военное присутствие – «миротворческой миссией» или «гарантией безопасности». Напротив, для действий грузинской стороны характерна дисфемизация: «карательная операция», «варварский обстрел», «преступный режим».

Особого внимания заслуживает использование оксюморонов и парадоксальных сочетаний. Например, формулировка «якобы нарушения прав человека» содержит имплицитное отрицание достоверности фактов, а выражение «так называемый Европейский суд» ставит под сомнение легитимность института. При этом собственные оценки подаются как аксиомы: «бесспорные доказательства», «очевидная агрессия».

Лексический повтор ключевых словосочетаний («грузинская агрессия», «российские миротворцы», «защита мирного населения») создает эффект мантры, закрепляя в сознании читателя нужные ассоциации. Этот прием особенно заметен в заголовках, которые часто строятся по принципу параллельных конструкций: «Грузия мечтает о реванше – Россия гарантирует безопасность».

Синтаксические особенности включают:

1. Преобладание безличных конструкций при описании негативных действий («было совершено нападение», «произведены обстрелы»), что создает эффект стихийного бедствия;
2. Активное использование модальных слов с отрицательной семантикой («якобы», «так называемый», «псевдо-»);
3. Риторические вопросы, предполагающие очевидный ответ («Может ли Европа быть объективным арбитром?»).
4. Морфологический анализ выявляет частотное употребление:
5. Причастий и деепричастий, создающих эффект объективности («подвергшийся агрессии», «защищая мирных жителей»);

6. Суффиксов субъективной оценки при характеристике противника («грузинские властители», «тбилисский режим»);

7. Префиксов с отрицательным значением («антироссийские санкции», «незаконные решения»).

Фразеологический фон включает:

1. Исторические аллюзии («новый Дранг нах Остен»);

2. Военную терминологию («красные линии», «стратегический плацдарм»);

3. Библейские мотивы («жертвенная миссия», «защита страждущих»).

Особую роль играет использование временных форм глаголов. События 2008 года часто описываются в настоящем времени («Грузия нападает», «Россия защищает»), что создает эффект актуальности и эмоциональной вовлеченности. При этом современные мирные инициативы Грузии подаются в прошедшем времени или с модальными глаголами («пыталась предложить», «хотела извиниться»), что придает им оттенок неискренности.

Ирония и сарказм применяются преимущественно в отношении западной позиции. Например, решения ЕСПЧ могут сопровождаться комментариями вроде «европейские правозащитники опять озаботились», где кавычки и разговорная лексика создают эффект снисходительного отрицания.

Особое внимание уделяется визуальному контенту - фотографиям разрушенного Цхинвала, кадрам с беженцами и российскими миротворцами. Эти изображения, часто используемые без указания конкретного временного контекста, создают мощный эмоциональный фон, актуализируя травматические переживания и формируя устойчивые ассоциации. Инфографика с картами, где Южная Осетия выделена как отдельная территория, закрепляет в сознании аудитории определенные представления о политической географии региона.

Поляризация достигается через последовательную дегуманизацию грузинской стороны. Михаил Саакашвили остается демонизированной фигурой, его называют не иначе как «преступником» и «provokatorom», а нынешнее заключение подается как «справедливое возмездие». Современные грузинские власти изображаются либо как «марионетки Запада», либо как «вынужденные прагматики», что, как было отмечено ранее, позволяет сохранять образ Грузии как несамостоятельного актора.

Мультимодальный анализ показывает, как вербальные и визуальные элементы работают в комплексе. Видеоролики с ветеранами конфликта, сопровождаемые патриотической музыкой, интервью с простыми жителями, фотографии российских и южноосетинских флагов — все это создает целостную картину братских народов, противостоящих западному влиянию.

Интересно проследить, как изменилась риторика после заявлений грузинского премьера Ираклия Кобахидзе о возможном примирении. Российские СМИ осторожно поддержали эти инициативы, но сразу оговорили, что

признание независимости Южной Осетии пересмотру не подлежит. Это демонстрирует гибкость медиастратегии - способность адаптироваться к изменяющимся политическим условиям, сохраняя при этом ключевые нарративные основы.

Освещение грузино-южноосетинского конфликта в российских онлайн-СМИ представлена сложной системой лингвосемиотических практик, направленных на поддержание определенной картины мира. Через сочетание вербальных и невербальных средств конструируется образ России как гаранта стабильности и защитника угнетенных народов, что соответствует общей линии государственной информационной политики.

Освещение грузино-абхазского конфликта в российских медиа в 2024 году имеет много общего с репрезентацией предыдущего конфликта. Вербальные и визуальные знаки работают на формирование конкретного идеологического нарратива.

Лексический выбор и фрейминг играют ключевую роль в конструировании реальности. Российские издания активно применяют эвфемизмы, смягчающие восприятие действий России, и дисфемизмы, дискредитирующие оппонентов. Например, российские инвестиции подаются как «братская помощь» или «стратегическое партнерство».

Метафоры служат мощным инструментом формирования эмоционального восприятия. Конфликт часто изображается через образы болезни («инфекция нестабильности», «вирус внешнего вмешательства») или природных катастроф («волна протестов», «шторм в политике»). В статье «РИА Новости» Абхазия представлена как «островок стабильности», который «размывают» протесты, что создает ощущение хрупкости и уязвимости. Российская поддержка, в свою очередь, метафорически описывается как «щит» или «опора», подчеркивая роль Москвы как гаранта безопасности.

Исторические аллюзии усиливают эмоциональную нагрузку текстов. Российские СМИ часто проводят параллели между современными событиями и травматичными моментами прошлого, такими как война 1992–1993 годов. Упоминание «проклятия 17%» (доля абхазов в населении Грузии в советский период) в контексте закона об апартаментах («РИА Новости») не только апеллирует к коллективной памяти, но и формирует образ Грузии как вечной угрозы. Включение таких отсылок позволяет медиа конструировать нарратив, в котором Россия предстает единственной силой, способной защитить Абхазию от повторения трагедии.

Визуальные стратегии дополняют вербальные, усиливая нужные смыслы. Фотографии протестов в Сухуме часто делают акцент на хаосе: разбитые окна парламента, перевернутая мебель, агрессивно настроенные демонстранты. Эти кадры работают на создание образа «неконтролируемого насилия», тогда как мирные аспекты митингов остаются за кадром. В то же время российские флаги, которые держат некоторые протестующие, визуально

связывают оппозицию с пророссийской риторикой, даже если их требования направлены против конкретных решений Москвы.

На морфологическом уровне заметна избирательность в использовании глагольных форм. Действия российской стороны преимущественно описываются совершенными видами глаголов («подписала соглашение», «обеспечила стабильность»), что создает эффект завершенности и результативности. В то же время действия оппозиции часто передаются глаголами несовершенного вида («продолжают протестовать», «пытаются дестабилизировать»), подчеркивая их процессуальный и потенциально опасный характер. Особенно показательно использование причастных оборотов при описании сторон конфликта: «российские инвестиции, направленные на развитие» (активное, целевое действие) против «протестующие, блокирующие дороги» (создающие препятствия).

Синтаксические конструкции служат важным инструментом акцентуации. Для описания российской политики характерны сложноподчиненные предложения с причинно-следственными связями: «Поскольку Абхазия нуждается в инвестициях, Россия предложила выгодные условия». В материалах об оппозиции преобладают простые предложения с однородными сказуемыми: «Протестующие вышли на улицы, перекрыли дороги, потребовали отставки». Такой синтаксический параллелизм создает эффект нагнетания напряженности.

Лексический уровень демонстрирует системное использование оценочной лексики. В описании России и ее союзников преобладает лексика с положительной коннотацией: «стратегическое партнерство», «братская помощь», «взаимовыгодное сотрудничество». Критики же характеризуются через слова с негативной окраской: «радикальные элементы», «провокаторы», «дестабилизирующие силы». Особенно показательны антонимические пары в заголовках: «Стабильность vs хаос», «Развитие vs разрушение».

Терминологическая система выстроена таким образом, чтобы легитимировать российскую позицию. Используются юридически окрашенные термины («межправительственное соглашение», «ратифицированный документ») при описании российских инициатив, в то время как действия оппозиции обозначаются бытовой лексикой («митинг», «требования», «ультиматум»). В терминах «иностранные агенты», «внешнее управление» прослеживается заимствование официального российского политического дискурса.

Стилистические приемы включают:

1. Градацию при описании протестов: «беспорядки - столкновения - попытка госпереворота»;
2. Оксюморонные сочетания: «так называемые защитники суверенитета»;
3. Риторические вопросы: «Неужели абхазский народ хочет вернуться под контроль Грузии?»;

4. Сравнительные конструкции: «В то время как Россия предлагает инвестиции, оппозиция предлагает только разрушение».

Фразеологический фон представлен как нейтральными клише («напряженная ситуация», «пути решения»), так и идеологически окрашенными выражениями («цветная революция», «рука Запада»). Последние автоматически активируют в сознании читателя определенные ассоциативные связи.

На текстовом уровне заметна тенденция к использованию:

1. Номинативных предложений в заголовках («Новый виток напряженности»);

2. Парцелляции для драматизации: «Протесты продолжаются. Уже третий день. Без результата.»;

3. Анафорических повторов: «Это наш выбор. Это наша позиция. Это наше будущее.».

Особого внимания заслуживает использование местоимений. Включение «мы» при описании российско-абхазских отношений («мы вместе строим будущее») создает эффект общности, в то время как оппозиция всегда обозначается через «они», что усиливает противопоставление. Указательные местоимения («эти люди», «такие заявления») добавляют оттенок отчуждения.

Приведенный анализ демонстрирует, как на разных уровнях языковой системы - от морфологии до организации текста - реализуется единая стратегия представления конфликта. Эти приемы работают в комплексе с визуальными и семиотическими дискурсивными стратегиями, создавая целостную медийную картину, соответствующую определенной позиции.

Молдавско-приднестровский конфликт, в отличие от описанных ранее конфликтов, имеет ряд отличий, связанных прежде всего с тем, что само Приднестровье не признано как независимое государство Российской Федерацией, а также имеет общую границу с Украиной. А значит, дискурсивные стратегии здесь должны иметь свою специфику.

Ключевой нарратив российских СМИ строится вокруг фрейма «жертва — агрессор». Приднестровье изображается как страдающая сторона, подвергающаяся несправедливому давлению, а Молдавия — как проводник враждебной Западу политики. Например, введение Кишиневом таможенных пошлин подается не как фискальная мера, а как «удар по экономике простых людей» (РИА Новости, 28.02.2024).

Мифологизация истории играет важную роль в легитимации позиции Тирасполя. Постоянные отсылки к событиям 1992 года («геноцид приднестровцев», «российские миротворцы как спасители») создают образ непрерывной борьбы за выживание. Референдум 2006 года, на котором жители ПМР поддержали курс на присоединение к России, упоминается как «волеизъявление народа».

На лингвистическом уровне российские СМИ активно используют оценочную терминологию, задающую поляризованное восприятие сторон конфликта. Приднестровье описывается через нейтральные или позитивные формулировки, такие как «непризнанная республика», «пророссийский регион», «мирное население», тогда как действия Молдавии подаются в негативном ключе — «экономическая блокада», «таможенный произвол», «угловый прессинг». Синтаксические конструкции усиливают этот эффект: пассивные обороты («Приднестровье лишили льгот», «Население подвергается давлению») маскируют агента действия, создавая впечатление безадресной жестокости со стороны Кишинева. Риторические вопросы («Почему Молдавия отказывается от диалога?», «Кому выгодна эскалация?») подталкивают аудиторию к заранее заданным выводам. Морфологические маркеры также работают на противопоставление: местоимения «мы» (Приднестровье, Россия) и «они» (Молдавия, ЕС, НАТО) формируют бинарную оппозицию, где первая сторона ассоциируется с защитой, а вторая — с угрозой. Употребление глаголов в настоящем времени («Кишинев ужесточает санкции», «Тирасполь обращается за помощью») усиливает эффект актуальности и неизбежности конфликта.

Визуальные и мультимодальные стратегии усиливают вербальные нарративы. Фотографии российских миротворцев в зоне безопасности (РИА Новости, 23.04.2024) контрастируют с кадрами молдавско-натовских учений (RT, 09.05.2024), где первые символизируют стабильность, а вторые — подготовку к агрессии.

Российские СМИ регулярно связывают Киев с угрозами безопасности в Приднестровье. Например, после взрыва вертолёта Ми-8 в Тирасполе (17.03.2024) ряд изданий (РИА Новости, RT) сразу указали на возможность украинского следа: «Дрон прилетел со стороны Одесской области». Еще одна уникальная черта конфликта — зависимость Приднестровья от украинской инфраструктуры (газ, железные дороги). Российские СМИ активно используют это для создания образа «осажденной крепости» («Украина в угоду Западу готова оставить Приднестровье без газа».

Кроме того, как отмечалось ранее, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, признанных Российской Федерацией, Приднестровье остается непризнанным государством, что формирует вокруг него особую риторику. Вместо прямой поддержки государственности делается акцент на «защите соотечественников», проживающих на территории ПМР. Российские СМИ, избегая открытых призывов к признанию республики, активно подчеркивают, что там проживает значительное количество российских граждан, называя цифру в 220 тыс. человек. Это позволяет использовать тезис о праве на защиту этих граждан.

Приднестровский конфликт занимает особое место в российской медиастратегии, представляя собой уникальный гибридный феномен, который

сочетает в себе черты классического «замороженного конфликта» с элементами актуальной военно-политической повестки. Именно эта многофункциональность и адаптивность приднестровской темы делает ее особенно ценной для анализа современных медиастратегий.

Проведенное исследование демонстрирует, что освещение этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ является результатом сложного процесса конструирования медиареальности через систему взаимосвязанных лингвосемиотических дискурсивных стратегий. Анализ материалов, посвященных грузино-южноосетинскому, грузино-абхазскому и молдавско-приднестровскому конфликтам, позволил выявить устойчивые механизмы формирования нарративов, в которых вербальные и невербальные знаки работают в едином семиотическом пространстве для создания определенной картины мира.

Центральное место в медиадискурсе занимает бинарная оппозиция «жертва – агрессор», которая реализуется через тщательный отбор лексики, метафор и визуальных образов. Визуальный контент, включая фотографии, инфографику и видеоряд, закрепляет эти нарративы, создавая целостное семиотическое поле, где образ России ассоциируется со стабильностью и защитой, а ее оппонентов – с хаосом и внешним вмешательством.

Специфика российского медиапространства проявляется в гибкости риторики, которая адаптируется под текущую политическую повестку. Например, освещение молдавско-приднестровского конфликта тесно увязывается с событиями на Украине, что позволяет создавать дополнительные смысловые связи. При этом, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, официально признанных Россией, риторика вокруг Приднестровья строится более осторожно, с акцентом на гуманитарные аспекты, что отражает прагматичный подход к непризнанным территориям.

Исследование подтверждает, что онлайн-СМИ выступают не просто источником информации, но и активными участниками символической борьбы, где лингвосемиотические стратегии служат инструментом формирования идеологически заряженных представлений. Комплексный анализ этих стратегий позволяет глубже понять механизмы медиатизации конфликтов и их роль в конструировании политической реальности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением методологической базы за счет включения когнитивных и социолингвистических подходов, а также сравнительного анализа медиадискурсов разных стран. Полученные результаты могут способствовать развитию более сбалансированных подходов к освещению этнополитических конфликтов, минимизирующих риски манипуляции и поляризации общественного мнения.

Литература

- Barthes, R. (1977). *The Death of the Author*. Fontana, London.
- Dijk, T.A. van. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan, Hampshire.
- Dijk, T.A. van. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Eco, U. (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. Longman, London.
- Foucault, M. (2002). *The Archaeology of Knowledge*. Routledge, London and New York.
- Halliday, M. A. K. (1975). *Learning How to Mean*. Edward Arnold, London.
- Hirsch, E. D. (1967). *Validity in Interpretation*. Yale University Press, New Haven.
- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon and Schuster, New York.
- Kress, G. R. (2003). *Literacy in the New Media Age*. Routledge, New York.
- Leeuwen, T. van. (2008). *Introducing Social Semiotics*. Oxford University Press, New York.
- Luhmann, N. (2000). *The reality of the mass media*. Stanford University Press, Stanford.
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory*. Sage, London.
- Peirce, C. S. (1994). *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*. University of North Carolina Press, Chapel Hill, North Carolina.
- Saussure, F. de. (1959). *Course in General Linguistics*. Philosophical Library, New York.
- Бодрийяр, Ж. (2001). *Система вещей*. Пер. С.Н. Зенкина. Рудиомино, Москва.
- Бёргер, Д. (2022). *Искусство видеть*. Клаудберри, Москва.
- Бурдьё, П. (2002). *О телевидении и журналистике*. Институт экспериментальной социологии, Москва.
- Вартанова, Е. Л. (2017). Об актуализации теории журналистики и теории медиа. Вопросы теории и практики журналистики, 1(6), 5–13. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\).5-13](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1).5-13).
- Дженкинс, Г. (2019). Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа / Пер. А. Гасилин. РИПОЛ классик, Панглосс. Москва; Санкт-Петербург.
- Кастельс, М. (2001). *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. Издательский дом Высшей школы экономики, Москва.
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Искусство-СПб, Санкт-Петербург.
- Маркедонов, С. М. (2021). Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет. Мировая экономика и международные отношения, 65(12), 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>.
- Родионова, Е. В., Балан, К. А. (2020). Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, (2), 519–534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211>.
- Саид, Э. В. (2012). *Культура и империализм*. Владимир Даль, Санкт-Петербург.
- Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. Весь Мир, Москва.
- Якобсон, Р. (2016). *Сдвиги. Формальный метод: Антология русского модернизма*. Кабинетный ученый, Екатеринбург; Москва.

References

- Barthes, R. (1977). *The Death of the Author*. Fontana, London.
- Baudrillard, J. (2001). *The System of Objects*. Trans. S. N. Zenkin. Rudomino, Moscow. (In Russ).
- Berger, D. (2022). *The Art of Seeing*. Cloudberry, Moscow. (In Russ).
- Bourdieu, P. (2002). *On Television and Journalism*. Institute of Experimental Sociology, Moscow. (In Russ)
- Castells, M. (2001). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Higher School of Economics Publishing House, Moscow. (In Russ).
- Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan, Hampshire.
- Dijk, T. A. van. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Eco, U. (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. Longman, London.
- Foucault, M. (2002). *The Archaeology of Knowledge*. Routledge, London and New York.
- Jakobson, R. (2016). Sdvigi. Formal'nyy metod: Antologiya russkogo modernizma [Shifts. In The Formal Method: An Anthology of Russian Modernism]. Kabinetnyi uchenyi, Yekaterinburg; Moscow. (In Russ)
- Jenkins, H. (2019). *Konvergentnaia kul'tura: stolknovenie starykh i novykh media* [Convergence Culture: Where Old and New Media Collide]. Trans. A. Gasilin. Moscow; St. Petersburg: RIPOL klassik, Pangloss. (In Russ)
- Habermas, J. (2003). *The Philosophical Discourse of Modernity*. Ves Mir Publishers, Moscow. (In Russ)
- Halliday, M. A. K. (1975). *Learning How to Mean*. Edward Arnold, London.
- Hirsch, E. D. (1967). *Validity in Interpretation*. Yale University Press, New Haven.
- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon and Schuster, N.Y.
- Kress, G. R. (2003). *Literacy in the New Media Age*. Routledge, New York.
- Leeuwen, T. van. (2008). *Introducing Social Semiotics*. Oxford University Press, N.Y.
- Lotman, Ju. M. (2010). *Semiosfera*. Iskusstvo-SPB, St. Petersburg. (In Russ).
- Luhmann, N. (2000). *The reality of the mass media*. Stanford University Press, Stanford.
- Markedonov, S. M. (2021). Postsovetskie de-fakto gosudarstva: traektorii bor'by za suverenitet [Post-Soviet de facto states: Trajectories of the struggle for sovereignty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(12), 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89> (In Russ).
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory*. Sage, London.
- Peirce, C.S. (1994). *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*. University of North Carolina Press, Chapel Hill, North Carolina.
- Rodionova, E. V., & Balan, K. A. (2020). *Reprezentatsiya etnicheskogo konflikta v sredstvakh massovoy informatsii v postsovetitskiy period* [Representation of ethnic conflict in mass media during the post-Soviet period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* (2), 519-534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211> (In Russ).
- Said, E. W. (2012). *Culture and Imperialism*. Vladimir Dal, St. Petersburg. (In Russ)
- Saussure, F. de. (1959). *Course in General Linguistics*. Philosophical Library, New York.
- Vartanova, E. L. (2017). *Ob aktualizatsii teorii zhurnalistiki i teorii media* [On the actualization of journalism theory and media theory]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 1(6), 5–13. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\).5-13](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1).5-13). (In Russ).

Для цитирования: Головин, Ю. А. Лингвосомиотические дискурсивные стратегии в освещении этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ / Ю. А. Головин, Н. А. Сухонина // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 117-136. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-117-136.